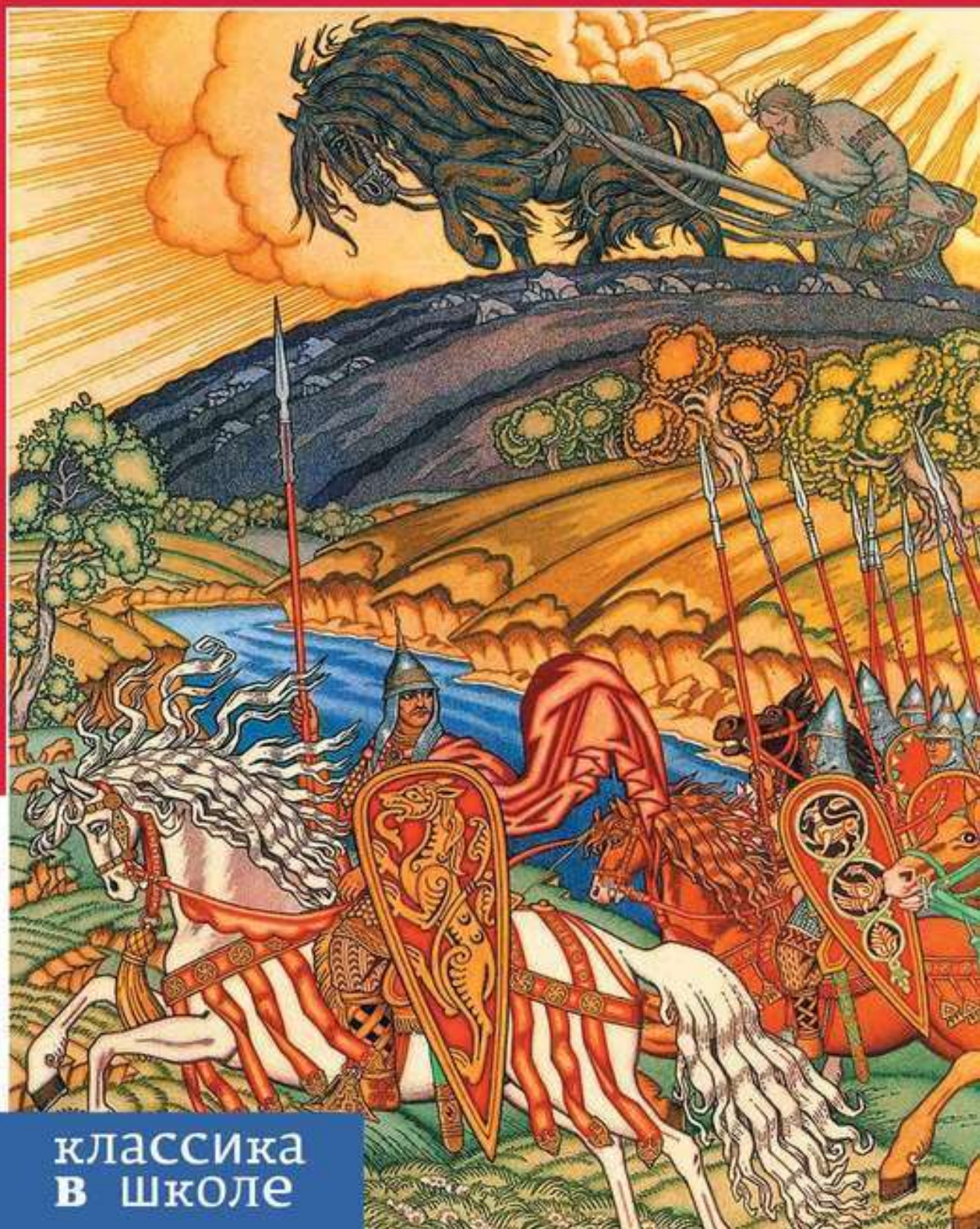

Былины

классика
в школе

Классика в школе (Эксмо)

Народное творчество (Фольклор)

Былины

«Эксмо»

2014

Народное творчество (Фольклор)

Былины / Народное творчество (Фольклор) — «Эксмо»,
2014 — (Классика в школе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-73235-7

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучающиеся в начальной школе, средних и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков. В книгу включены былины о главных героях русского эпоса – Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, – а также Киевского и Новгородского циклов, которые изучают в начальной школе и 7-м классе.

ISBN 978-5-699-73235-7

© Народное творчество
(Фольклор), 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Древнейшие былинные образы	5
Вольга и Микула	5
Главные герои русского эпоса	10
Исцеление Ильи Муромца	10
Илья Муромец и Святогор	13
Илья и Соловей-разбойник	18
Илья Муромец и голи кабацкие	24
Илья Муромец и Идолище в Киеве	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

БЫЛИНЫ

Древнейшие былинные образы

Вольга и Микула

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мѳлодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга растеть-матереть;
Похотелося Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под облока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за облока,
Ускакали все звери во темные леса.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков, нелегченныхх.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая:
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешки по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,

Не могли до оратая доехати
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день ещё до пабедья,
А наехали в чистом поле оратая:
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пеньё, коренья вывертывает,

А большие-то каменя в борозду валит,
У оратая кобыла соловая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются;
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя;
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати,
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
«Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко,
Орать, да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да пометывати,
А пенья, коренья вывертывати,
А большие-то каменя в борозду валить!»
Говорит оратай таковы слова:
«Поди-ка ты, Вольга Святославович,
Мне-ка надобно Божья помочь крестьяновати!
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?»
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Как пожаловал меня да рѳдной дядюшка,
Рѳдной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольнекиевский,
Тремя ли городами со крестьянами
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем;
Теперь еду к городам да за получкою».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы,
Да потопят ты в реку да во Смородину.
Я недавно там был в городе, третьего дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд,
А тут стали мужички с меня грошов просить;
Я им стал-то ведь грошов делить,
А грошов-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь да больше ставится.

Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи;
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит».
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Ты поедем-ка со мною во товарищах».
А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстиляется,
А грива-то у нее да завивается,
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Говорит оратай таковы слова:
«Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет – взять нечего,
А богатый – тот наедет, не позарится, —

А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст?»
Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинишку хоробрую,
Пять молодцев да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинишка хоробрая,
Пять молодцев да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой;
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинишку хоробрую,
Целым он да ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
И тут ведь Вольга Святославович

Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой;
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да оставаётся.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
«Ты постой-ка ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей;
Как бы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы».
Тут проговорит Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?»
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»
Тут приехали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати,

Стали города рассматривати,
А ребята-то стали поговаривати:
«Как этот третьего дни был да мужичков он бил!»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися они да думу думати:
Как бы прийти да извинитися,
А им низко бы да поклонитися.
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты, Микула Селянинович!
Я жалую от себя тремя городами со крестьянами.
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ка ты дань да ведь грошовую».

Главные герои русского эпоса

Исцеление Ильи Муромца

В славном городе во Муроме,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косявчето.
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широких,
Сиднем сижу цело тридцать лет,
Не владаю ни руками, ни ногами».
Опять говорят калики перехожие:
«Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Пускай-то калик к себе в дом».
Выставал Илья на резвы ноги,
Отворял ворота широкие
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал:
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:
«Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею полницею удалою,

А столько не выходи драться
С Святогором-богатырем —
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном-богатырем —
У него на голове семь власов ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым —
Его любит матушка сыра земля;
Не ходи още на Вольгу Сеславьича —
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себе богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в сруб на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому.
Как станет жеребчик через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону,
Поезжай на нем, куда хочешь,
Будет носить тебя».
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую, —
Он дубье-колодые все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам и сшел домой.
Выстали отец с матерью от крепкого сна – испужалися:
«Что это за чудо подеялось?
Кто бы нам это сработал работушку?»
Работа-то была поделана,
И пошли они домой.
Как пришли домой, видят:
Илья Муромец ходит по избы.
Стали его спрашивать,
Как он выздоровел.
Илья и рассказал им,
Как приходили калики перехожие,
Поили его питьицем медвянным —
И с того он стал владать руками и ногами
И силушку получил великую.
Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика косматенького.
Покупал Илья того жеребчика,
Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,

Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой.
И прошло поры времени три месяца.
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы его выкатывал;
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал Бурушко через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону.
Тут Илья Муромец
Седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшки, у матушки
Прощенье-благословеньице
И поехал в раздольице чисто поле.

Илья Муромец и Святогор

Как не дáлече-дáлече во чистóм во поли́,
Тута куревкá да поднималася,
А там пыль столбом да поднималася, —
Оказался во поли добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь да будто лютый зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поле, спотешается,
Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднебесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.
Наезжает Святогор-богатырь
Во чистом поли он на сумочку да скоморошную.
Он с добра коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку, —
Эта сумочка да не ворохнется;
Опустился Святогор да со добра коня,
Он берет сумочку да одной рукой, —
Эта сумочка да не шевелится;
Как берет он обема рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По колен ушел да в мать сыру землю, —
Эта сумочка да не шевелится,
Не шевелится да не поднимется.
Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету еживал,
А такого чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не шевелится,
Не шевелится да не сдымается,
Богатырской силы не сдается».
Говорит Святогор да таковы слова:
«Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла».
И взмолился он да своему коню:
«Уж ты, верный богатырский конь,
Выручай теперь хозяина».
Как схватился он да за уздечку серебряну,
Он за ту подпругу золоченую,
За то стремечко да за серебряно,
Богатырский конь да принатужился,
А повыдернул он Святогора из сырой земли.
Тут садился Святогор да на добра коня,

И поехал по чисту полю
Он ко тем горам да Араратским.
Утомился Святогор, да он умаялся
С этой сумочкой да скоморошной,
И уснул он на добром коне,
Заснул он крепким богатырским сном.
Из-под далеча-далеча из чиста поля
Выезжал старбй казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он богатыря:
«Что за чудо вижу во чистом поли,
Что богатырь едет на добром кони,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко».
Как скричал Илья да зычным голосом:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты что, молодец, да издеваешься,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься,
Не ко мне ли, старому, да подбираешься?
А на это я могу ответ держать».
От богатыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом,
От богатыря да тут ответа нет.
Разгорелось сердце богатырское
А у старого казака Ильи Муромца,
Как берет он палицу булатную,
Ударяет он богатыря да по белым грудям,
А богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут да Илья Муромец,
Разъезжается он во чисто поле,
А с разъезду ударяет он богатыря
Пуще прежнего он палицей булатною,
Богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут старый казак да Илья Муромец,
А берет он шалапугу подорожную,
А не малу шалапугу – да во сорок пуд,
Разъезжается он со чиста поля,
И ударил он богатыря по белым грудям,
И отшиб он себе да руку правую.
Тут богатырь на кони да просыпается,
Говорит богатырь таково слово:
«Ох, как больно русски мухи кусаются!»
Поглядел богатырь в руку правую,
Увидал тут Илью Муромца,
Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадыю да богатырскойей,
И поехал он да по святым горам,

По святым горам да Араратским.
Как день он едет до вечера,
Темну ноченьку да он дó утра,
И второй он день едет до вечера,
Темну ноченьку он до утра,
Как на третий-то да на денечек
Богатырский конь стал спотыкаться.
Говорит Святогор да коню доброму:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Уж ты что, собака, спотыкаешься?
Ты идти не мошь аль везти не хошь?»
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
«Как прости-тко ты меня, хозяйнушко,
А позволь-ка мне да слово вымолвить.
Третьи суточки да ног не складучи
Я вожу двух русских могучиих богатырей,
Да й в третьих с конем богатырским».

Тут Святогор-богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелешенько;
Он берет Илью за желты кудри,
Он кладет Илью да на сыру землю
Как с конем его да богатырским.
Начал спрашивать да он, выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?
Если ты богатырь святорусский,
Дак поедем мы да во чисто поле,
Попробуем мы силу богатырскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты, удалой добрый молодец!
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражаться,
Я желаю с тобой побрататься».
Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опускается,
И раскинули они тут бел шатер,
А коней спустили во луга зеленые,
Во зеленые луга они стреножили.
Сошли они оба во белóй шатер,
Они друг другу порассказалися,
Золотыми крестами поменялися,
Они с друг другом да побраталися,
Обнялись они, поцеловалися, —
Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат.
Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали

И легли в шатер да опочив держать.
И недолго, немало спали – трое суток,
На четверты они да просыпалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.
Как седлали они да коней добрых,
И поехали они да не в чисто поле,
А поехали они да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели они да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тут да дубовый гроб.
Как богатыри с коней спустилися,
Они ко гробу к этому да наклонилися,
Говорит Святогор да таковы слова
«А кому в этом гробе лежать сужено?
Ты послушай-ка, мой меньший брат,
Ты ложись-ка во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб».
Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца большего,
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб.
Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинён и в ширину широк.
И ставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Святогор-богатырь.
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты, Илья да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты, Илюшенька да Муромец!
Мне в гробу лежать да тяжелешенько,
Мне дышать-то нечем, да тошнешенько,
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже шелочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ка крышечку саблей вострою».
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому.
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обручи железные.

Начал бить Илья да вдоль и поперек, —
Все железные обручи становятся.

Говорит Святогор да таковы слова:

«Ах ты, меньший брат да Илья Муромец!
Видно, тут мне, богатырю, кончинушка.
Ты схорони меня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ка ты ко гробу ко дубовому,
Я здохну тебе да в личко белое,
У тя силушки да поприбавится».

Говорит Илья да таковы слова:

«У меня головушка есть с проседью,
Мне твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достаточно.
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сыра земля.
И не наб мне твоего коня да богатырского,
А мне-ка служит верой-правдою
Мне старой Бурушка косматенький».
Тута братица да распростилися,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонскийи.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают.
А на том былинка и закончилась.

Илья и Соловей-разбойник

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме.
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно́,
А и черным-черно, как черна вóрона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетывает,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей.
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую,
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты славный богатырь да святорусский!

Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли-то у Грязи-то у Чернойей,
Да у той ли у березы у поклапыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-солбвему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли-то от посвиста соловьего,
И от его ли-то от покрика звериного

То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей – то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой – пятьсот есть верст,
Ай окольной дорожкой – цела тысяча».
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко той ли ко березе ко покляпя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонялися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да спотыкается.
А и как старый-то казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белую руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,

Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слышал ли посвиста соловьяго,
Не слышал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
А й тут старый казак да Илья Муромец,
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковую натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал.
Он стрелил в того-то Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному.
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимые.
Больша дочка – эта смотрит во окошечко косящато,

Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшка раздольцем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-ка рогатины звериные
Да бегите-ка в раздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватили как рогатины звериные,
Бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьцем медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные!»
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
Ай зовут-то мужика да деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
Ай Владимир-князь он вышел из Божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,

Хлеба кушати да пообедати.
А и тут старый казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Приходил он во столовую во горенку,
На́ пята он дверь-то поразмахивал,
Крест-то клал он по-писа́ному,
Вел поклоны по-ученому,
На все три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
«Ты скажи-ко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именём зовут,
Величают, удалого, по отечеству?»
Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай ты, славный Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься.
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли-то у Гязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпои,
У того креста у Леванидова

Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному.
То все травушки-муравы улетаются,
А лазоревы цветки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремяни булатному прикованный».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скорошенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накиннул на одно плечко,
Тут он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил-то он на свой широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ко, собака, по-звериному!»
Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил Владимир-князь да стольнокиевский:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ко засвистать ты Соловью да по-соловьему,
Прикажи-ко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-ко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-ко ты во полкрика звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старый казак ты, Илья Муромец!

Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленá вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина, —
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья-то князю он Владимиру:

«Ты Владимир князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина.
Ты не малую стопу – да полтора ведра,
Поднеси-ка Соловью-разбойнику».
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Он скорёнько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкóй,
Выпил чарочку ту Соловей одним духóм.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному, —
Маковки на теремах покрíвились,
А окóленки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
Что есть людьшек, так все мертвы лежат,
А Владимир князь стольнокиевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А и тут старый казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,
И он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,

Тебе полно-тко слезить да отцов-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молóдых.
Тебе полно-тко спущать сиротать малых детушек!»
А тут Соловью ему и славу поют,
А й славу поют ему век по веку!

Илья Муромец и голи кабацкие

Славныя Владимир стольнёкиевской
Собирал-то он славный почестей пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучих богатырей;
А на пир ли-то он не позвал
Старого казака Илья Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показалось-то великую,
И он не знает, что ведь сделати
Супротив тому князю Владимиру.
И он берет-то как свой тугой лук розрывчатой,
А он стрелочки берет каленыи,
Выходил Илья он да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки Божьи церкви погуливать.
На церквах-то он кресты вси да повыломал,
Маковки он залочены вси повыстрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкий!
Да и выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золоченый,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина дбсыта».
Там доносят-то ведь князю да Владимиру:
«Ай Владимир князь да стольнёкиевской!
А ты ешь да пьешь да на честном пиру,
А как старой-от казак да Илья Муромец
Ён по городу по Киеву похаживат,
Ён на матушки Божьи церкви погуливат,
На Божьих церквах кресты повыломил.
А всё маковки он золоченый повыстрелял;
А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкий!
И выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золоченый,
Да и несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина дбсыта».
Тут Владимир-князь да стольнёкиевской
И он стал, Владимир, дума думати,
Ему как-то надобно с Ильей помириться.
И завел Владимир-князь да стольнёкиевской,
Он завел почестей пир да и на другой день.
Тут Владимир-князь да стольнёкиевской

Да 'ще стал да и дума думати:
«Мне кого послать будет на пир позвать
Того старого казака Илью Муромца?
Самому пойти мне-то, Владимиру, не хочется,
А Опраксию послать, то не к лицу идет».
И он как шел-то по столовой своей горенке.
Шел-то он о столики дубовый,
Становился супротив молодого Добрынюшки,
Говорил Добрыне таковы слова:
«Ты молоденькой Добрынюшка, сходи-тко ты
К старому казаку к Ильи Муромцу,
Да зайди в палаты белокаменны,
Да пройди-тко во столовую во горенку,
На пята-то дверь ты порозмахивай,
Еще крест клади да й по-писаному,
Да й поклон веди-тко по-ученому,
А й ты бей челом да низко кланяйся
А й до тых полов и до кирпичных,
А й до самой матушки сырой земли
Старому казаку Ильи Муромцу,
Говори-тко Ильи ты да таковы слова:
«Ай ты старья казак да Илья Муромец!
Я пришел к тебе от князя от Владимира
И от Опраксии от королевичной,
Да пришел тебе позвать я на почестей пир».

Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Ён скорешенько-то стал да на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил он со столовый со горенки,
Да й прошел палатой белокаменной,
Выходил Добрыня он на Киев-град,
Ён пошел-то как по городу по Киеву,
Пришел к старому казаку к Илье Муромцу
Да в его палаты белокаменны.
Ён пришел как во столовую во горенку,
На пята-то он дверь да порозмахивал,
Да он крест-от клал да по-писаному,
Да й поклоны вел да по-ученому,
А 'ще бил-то он челом да низко кланялся
А й до тых полов и до кирпичных,
Да й до самой матушки сырой земли.
Говорил-то ён Илье да таковы слова:
«Ай же, братец ты мой да крестовый,
Старья казак да Илья Муромец!
Я к тебе послан от князя от Владимира,
От Опраксы королевичной,
А й позвать тебя да й на почестей пир».

Еще старый-от казак да Илья Муромец
Скорешенько ставал он на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовый со горенки,
Да прошли они палатой белокаменной,
Выходили-то они на стольний Киев-град,
Пошли оны ко князю к Владимиру
Да й на славный-от почестей пир.
Там Владимир-князь да стольнёкиевской
Он во горенки да ведь похаживал,
Да в окошечко он, князь, посматривал,
Говорил-то со Опраксой-королевичной:
«Пойдут-ли ко мне как два русских богатыря
Да на мой-от славный на почестей пир?»
И прошли они в палату в белокаменну,
И взошли они в столовую во горенку.

Тут Владимир-князь да стольнёкиевской
Со Опраксией да королевичной
Подошли-то они к старому казаку к Илье Муромцу,
Они брали-то за ручушки за белыи,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же, старья казак ты, Илья Муромец!
Твое местечко было да ведь пониже всех,
Топерь местечко за столиком повыше всех!
Ты садись-ко да за столик за дубовый».
Тут кормили его ествушкой сахарнею,
А й поили питыицем медвяным.
Они тут с Ильей и помирились.

Илья Муромец и Идолище в Киеве

Ай во славном было городе во Киеви
Ай у ласкового князя у Владимира
Ишше были-жили тут бояры кособрюхие,
Насказали на Илью-ту всё на Муромця, —
Ай такима он словами похваляется:
«Я ведь князя-та Владимира повыживу,
Сам я сяду-ту во Киев на его место,
Сам я буду у его да всё князём княжить».
Ай об этом они с князем прироспобрили.
Говорит-то князь Владимир таковы речи:
«Прогоню тебя, Илья да Илья Муромец,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва,
Не ходи ты, Илья Муромец, да в красен Киев-град».
Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
«А ведь при́дет под тебя кака сила неверная,
Хоть неверна-та сила бусурманьская, —
Я тебя тогды хошь из неволюшки не выруццо».
Ай поехал Илья Муромец в цисто поле,
Из циста поля отправился во город-от во Муром-то,
Ай во то ли во село, село Качарово
Как он жить-то ко своёму к отцу, матушки.
Он ведь у отца живет, у матушки,
Он немало и немного живет – три года.
Тут слышал ли Идолишшо проклятоё,
Ище тот ли царишше всё неверное:
Нету, нет Ильи-то Муромця жива три годицька.
Ай как тут стал-то Идолишшо подумывать,
Он подумывать стал да собираться тут.
Насбирал-то он силы всё тотарьскою,
Он тотарьскою силы, бусурманьскою,
Насбирал-то он ведь силу, сам отправился.
Подошла сила тотарьска-бусурманьская.
Подошла же эта силушка близехонько
Ко тому она ко городу ко Киеву.
Тут выходит тотарин-от Идолишшо всё из бела шатра,
Он писал-то ёрлычкí всё скорописчаты,
Посылает он тотарина поганого.
Написал он в ёрлычках всё скорописчатых:
«Я зайду, зайду Идолишшо, во Киев-град,
Я ведь выжгу-то ведь Киев-град, Божьи церкви;
Выбирался-то штобы князь из палатушек, —
Я займу, займу палаты белокаменны.
Только я пушшу в палаты белокаменны,
Опраксеюшку возьму всё Королевисьню.
Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,

Я на кухню-ту поставлю на меня варить».
Он тут скоро тотарин-от приходит к им,
Он приходит тут-то тотарин на широкий двор,
С широка двора – в палаты княженецькия,
Он ведь рубит, казнит у придверницьков всё буйны головы;
Отдаёт ёрлычки-то скорописчаты.
Прочитали ёрлыки скоро, заплакали,
Говорят-то – в ёрлычках да всё описано:
«Выбирайся, удаляйся, князь, ты из палатушек,
Наряжайся ты на кухню варить поваром».
Выбирался князь Владимир стольнекиевской
Из своих же из палатушек крутешенько;
Ай скорешенько Владимир выбирается,
Выбирается Владимир – сам слезами уливается.
Занимает [Идолище] княженевськи все палатушки,
Хочет взять он Опраксеюшку себе в палатушку.
Говорит-то Опраксеюшка таки речи:
«Уж ты гой еси, Идблицо, неверной царь!
Ты поспеешь ты меня взять да во свои руки».
Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:
«Я уважу, Опраксеюшка, ещё два деницька,
Церез два-то через дня как будешь не княгиной ты,
Не княгиной будешь жить, да всё царицею».
Рознемогся-то во ту пору казак да Илья Муромець.
Он не мог-то за обедом пообедати,
Розболелось у его всё ретивб сердце,
Закипела у его всё кровь горячая.
Говорит-то всё Илья сам таковы слова:
«Я не знаю, отчего да незамог совсим,
Не могу терпеть жить-то у себя в доми.
Надо съездить попроведать во чисто полё,
Надоть съездить попроведать в красен Киёв-град».
Он седлал, сбирал своёго всё Белёюшка,
Нарядил скоро своего коня доброго,
Сам садился-то он скоро на добра коня,
Он садился во седельшко чиркальскоё,
Он ведь резвы свои ноги в стремяна всё клал.
Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромець,
Илья Муромець поехал, свет Иванович.
Он приехал тут да во чисто поле,
Из чиста поля поехал в красен Киёв-град.
Он оставил-то добра коня на широком двори,
Он пошел скоро по городу по Киеву.
Он нашел, нашел калику перехожую,
Перехожую калику переброжую,
Попросил-то у калики всё платье каличьёго.
Он ведь дал-то ему платье всё от радости,
От радости скинывал калика платьицё,
Он от радости платье от великою.

Ай пошел скоро Илья тут под окошецько,
Под окошецько пришел к палатам белокаменным.
Закричал же он, Илья-та, во всю голову,
Ишше тем ли он ведь криком богатырским тут.
Говорил-то Илья, да Илья Муромець,
Илья Муромець да сам Ивановиць:
«Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милостинку,
Ай подай-ко, подай милостинку мне спасеную,
Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного.
Ради Матери Божьей, царици Богородици».
Говорит-то Илья, да Илья Муромець,
Говорит-то он, кричит всё во второй након:
«Ай подай ты, подай милостину спасеную,
Ай подай-ко-се ты, красно мое солнышко,
Уж ты ласковой подай, да мой Владимир-князь!
Ай не для-ради подай ты для кого-нибудь,
Ты подай-ка для Ильи, ты Ильи Муромця,
Ильи Муромця подай, сына Ивановиця».
Тут скорехонько к окошецьку подходит князь,
Отпират ему окошецько коси́сцято,
Говорит-то князь да таковы реци:
«Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-ту всё, калика, не по-прежнему,
Не по-прежнему живу, не по-досельнѣму, —
Я не смею подать милостинки всё спасеную.
Не дават-то ведь царишшо всё Идолишшо
Поминать-то он Христа, царя небесного,
Во вторых-то поминать да Илью Муромця.
Я живу-ту, князь – лишился я палат все белокаменных,
Ай живет у мя поганое Идолишшо
Во моих-то во палатах белокаменных;
Я варю-то на его, всё живу поваром,
Подношу-то я тотарину всё кушанье».
Закричал-то тут Илья да во третей након:
«Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне выйди,
Не увидели штобы царишша повара, его.
Я скажу тебе два тайного словечушка».
Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,
Он выходит на широку светлу улоцьку.
«Што ты, красно наше солнышко, поху́дело,
Што ты, ласков наш Владимир-князь ты стольнѣкиевской?
Я ведь чуть топерь тебя признать могу».
Говорит-то князь Владимир стольнѣкиевской:
«Я варю-то, всё живу за повара;
Похудела-то княгина Опраксея Королевисьня,
Она день-от это дня да всё ише хуже». —
«Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,
Еще ласков князь Владимир стольнѣкиевской!

Ты не мог узнать Ильи, да Ильи Муромца?»
Ведь тут падал Владимир во резвы ноги:
«Ты прости, прости, Илья, ты виноватого!»
Подымал скоро Илья всё князя из резвых он ног,
Обнимал-то он его своей-то ручкой правою,
Прижимал-то князя Владимира да к ретиву сердцу,
Целовал-то он его в уста сахарныя:
«Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!
Я тепере из неволюшки тебя повыручу.
Я пойду теперь к Идолишшу в палату белокаменну,
Я пойду-то к ему на глаза-ти всё,
Я скажу, скажу Идолишшу поганому.
«Я пришел-то, царь, к тебе всё посмотреть тебя».
Говорит-то тут ведь красно наше солнышко,
Што Владимир-от князь да стольнёкиевской:
«Ты поди, поди к царишшу во палатушки».
Ай заходит тут Илья да во палатушки,
Он заходит-то ведь, говорит да таковы слова:
«Ты поганое, сидишь, да всё Идблишшо,
Ишше тот ли сидишь, да царь неверной ты!
Я пришел, пришел тебя да посмотреть теперь».
Говорит-то всё погано-то Идолишшо,
Говорит-то тут царишшо-то неверное:
«Ты смотри меня – я не гоню тебя».
Говорит-то тут Илья, да Илья Муромець:
«Я пришел-то всё к тебе да скору весть принес,
Скору весточку принес, всё весть нерадостну:
Всё Илья-та ведь Муромець живёхонёк,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.